

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №4, Том 12 / 2021, No 4, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/60KLSK421.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Божок, Н. С. Культурно-историческая реконструкция в оптике иммерсивного подхода: теоретическая и эмпирическая экспликации (часть 1) / Н. С. Божок // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/60KLSK421.pdf>

For citation:

Bozhok N.S. Cultural and historical reenactment in the optics of an immersive approach: theoretical and empirical explications (Part 1). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(12): 60KLSK421. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/60KLSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 18-18-00321-П

УДК 008+930.85

ГРНТИ 13.11.21

Божок Николай Сергеевич

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Саратов, Россия
Доцент кафедры «Философии, социологии, психологии»

Кандидат социологических наук

E-mail: nikolaybozhok@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-1669>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=785713

Культурно-историческая реконструкция в оптике иммерсивного подхода: теоретическая и эмпирическая экспликации (часть 1)

Аннотация. В статье, состоящей из двух сюжетов, впервые предпринимается попытка осуществить теоретическую и эмпирическую экспликации иммерсивного подхода и создать новую исследовательскую оптику для более глубокого изучения специфики коммеморативных практик культурно-исторической реконструкции как неакадемической формы взаимодействия с прошлым. Первая часть исследования содержит постановку вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов к изучению иммерсии как феномена современной культуры. Раскрывается генезис, методология и специфика дисциплинарных модификаций иммерсивного подхода, содержательные характеристики его базовых категорий. Приоритетное внимание уделяется концептуальным идеям, получившим развитие в искусствоведческих, культурологических и педагогических исследованиях. Выявляя эвристический потенциал иммерсивного подхода, автор задается вопросом: могут ли категории «иммерсия» и «иммерсивность» служить адекватным инструментом для описания и анализа реконструкторских практик погружения в прошлое. Во второй части статьи на основе анализа реконструктивных исследований показано, как данные понятия работают в дискурсе культурно-исторической реконструкции. Обобщая и анализируя значительный эмпирический материал, автор раскрывает специфику погружения реконструкторов в воссоздаваемую культурно-историческую реальность. Обосновывается, что типологически иммерсивный опыт реконструкторов — чрезвычайно многогранное явление. Степень иммерсии определяется мотивацией, познавательной активностью и уровнем мемориальной культуры реконструктора. На основе типологии опыта, предложенной Пайном и Гилмором, рассматриваются четыре типа погружения в иммерсивных практиках культурно-исторической реконструкции — развлечения

(игра), эскапизм, эстетика и образование. В результате исследования автор приходит к выводам: понятие иммерсии в культурно-исторической реконструкции шире, чем в культурных индустриях, педагогике и музееведении. Оно может включать в себя не только телесно-аффективное погружение в прошлое, но и конструирование иммерсивных практик, соответствующих задачам исторического познания, наблюдения, исследования, вызывающих чувство эмпатии. В ситуации глубокого погружения в прошлое этот опыт усложняется, переходит на новый уровень взаимодействия с культурно-историческими артефактами — уровень исторического эксперимента.

Ключевые слова: культурно-историческая реконструкция; иммерсивный подход; иммерсия; иммерсивность; погружение в прошлое; типы погружения; коммеморативная иммерсия

Общая характеристика проблемы исследования

Культурно-историческая реконструкция как особый модус неакадемического взаимодействия с прошлым привлекает повышенное внимание современных исследователей в контексте смены парадигм обращения к истории в публичной сфере [1]. Свидетельство этому — появление значительного корпуса научных работ, посвященных различным ракурсам изучения данного феномена. В российском сегменте академического дискурса культурно-историческая реконструкция проблематизируется как форма приобретения новых знаний о прошлом [2]; педагогическая практика, решающая «задачи самореализации личности в сфере познавательной деятельности, личностной включенности в социально-коммуникативную деятельность и обеспечения духовно-нравственной активности личности реконструктора»¹; интерактивная форма сохранения культурной памяти [3], «которой присущи многие элементы театрального процесса» [4; 5] и виртуализации [6]; средство патриотического воспитания молодежи [7–9]; значимая составляющая культурно-познавательного туризма [10]. Ценность публикаций, раскрывающих данную тематику, состоит в выявлении форм бытования, функций, сущностных черт и специфических особенностей неакадемической реконструкции, обуславливающих ее культуротворческий и воспитательный потенциал. Вместе с тем сложившиеся в отечественной научно-исследовательской литературе представления о культурно-исторической реконструкции вряд ли можно считать исчерпывающими, учитывая динамичную качественную трансформацию данного феномена, сопровождающуюся появлением новых форм взаимодействия с прошлым.

В процессе анализа обширного эмпирического материала, релевантного проблематике культурно-исторической реконструкции, наш исследовательский интерес вызвали коммеморативные практики, описываемые в публичном реконструкторском дискурсе, медиа, рекламе туристского продукта в терминах «погружение в прошлое» и «полное погружение в прошлое». Принимая во внимание их широкое распространение в российском социокультурном пространстве, актуальной и значимой представляется постановка вопроса: является ли использование указанной терминологии маркетинговой стратегией, подобной той, которая в последнее десятилетие активно реализуется в культурных индустриях [11; 12; 13, с. 3–6], или же служит своеобразным дискурсивным маркером для обозначения явления, отражающего существенные изменения культурных потребностей в постиндустриальном обществе и нуждающегося в рефлексии и теоретико-методологическом обосновании? Поиск ответа на этот вопрос пока остается за пределами профессиональных

---

¹ Кадер А.М. Движение исторической реконструкции как среда самореализации личности в сфере досуга: дис. ... канд. педагогич. наук. — СПб, 2018.

интересов отечественных учёных-гуманитариев. Исключение составляют отдельные тексты, в которых фрагментарно рассматриваются игровой² и эскапистский характер [14] реконструкторских практик погружения в прошлое.

Преодоление очевидной лакуны в изучении подобных практик определяет необходимость выработки новой аналитической оптики, основанной на сочетании нескольких теоретико-методологических подходов к осмыслению поставленной проблемы. Центральное место в представленной нами исследовательской программе отводится иммерсивному подходу, методологический потенциал которого позволяет проанализировать широкий спектр культурных практик постиндустриального общества. Базовые категории данного подхода — «иммерсия» (лат. *immersio* — погружение) и «иммерсивность» (от англ. *immersive* — «создающий эффект присутствия, погружения») — используются в журналистике, искусствоведении, педагогике, музееведении, культурологии. Это дает возможность синтезировать методологические ресурсы гуманитарных наук и применить их в прикладном культурологическом анализе коммемораций культурно-исторической реконструкции. Согласно мнению авторитетных экспертов, в науке третьего тысячелетия подобные междисциплинарные исследования — уже не только интеллектуальная мода, а «весьма результативный подход к решению исследовательской задачи» [15, с. 5].

Цель настоящей статьи — на основе междисциплинарной методологии осуществить теоретическую и эмпирическую экспликацию иммерсивного подхода и создать новую исследовательскую оптику для более глубокого изучения специфики коммеморативных практик культурно-исторической реконструкции как неакадемической формы взаимодействия с прошлым. Используя сложившиеся в современном гуманитарном знании инструментарий и категориальный аппарат иммерсивного подхода, мы попытаемся показать, как содержание понятий «иммерсия» и «иммерсивность» менялось и переосмысливалось в различных дисциплинарных контекстах, значимых для их культурологической интерпретации. Нас интересует также, могут ли данные категории служить адекватным инструментом для описания и анализа реконструкторских практик погружения в прошлое и как они работают в коммеморативном дискурсе культурно-исторической реконструкции. Кроме того, предпринимается попытка выявить детерминанты, степень погружения реконструкторов в воссоздаваемую культурно-историческую реальность и предложить типологию коммеморативной иммерсии, отражающую ее наиболее значимые, содержательные характеристики.

Эмпирическую и информационную базу исследования составили результаты авторского исследования материалов из открытых источников: электронных СМИ, новых медиа, социальных сетей, блогов реконструкторов, также материалы включенного наблюдения.

Иммерсивный подход: генезис, методология, специфика дисциплинарных дискурсов

В последние годы дискуссии о сущности феноменов «иммерсия» и «иммерсивность» становятся все более интенсивными. Востребованность иммерсивного подхода в современной гуманитаристике обусловлена необходимостью осмысления динамичных и противоречивых процессов трансформации социокультурной реальности, происходящих в конце XX — начале XXI века под воздействием аффертивно-эмоционального поворота.

---

² Тяглова М.А. Игра как способ конституирования сакрального начала в современных молодежных субкультурах (на примерах ролевого и реконструкторского движения): дис. ... канд. культурологии (24.00.01). Симферополь, 2017.

Согласно мнению некоторых исследователей, дополнительную актуализацию данный подход приобретает в ракурсе мультисенсорного поворота — установки «практик культуры и теоретических форм рефлексии на создание опыта, основанного на феномене иммерсивности

телесно-тактильном погружении в воспринимаемую среду [16]. Проявления последнего репрезентативно представлены в цифровой среде, где «человеческие познавательные стратегии смещаются с поиска толкований и значений в сторону чувственного и эмоционального опыта, опыта “вовлечения”»³.

При такой постановке вопроса возникает необходимость обратиться к рассмотрению влияния аффективно-эмоционального поворота на появление новых направлений в социально-гуманитарных науках, имеющих принципиальное значение для развития иммерсивных исследований. Одним из них стало формирование *emotional/affective studies* — междисциплинарной предметной области, фокусирующейся на изучении широкого спектра переживаний и ощущений эмоционально-аффективного класса. Отмечая сложность и многоаспектность данного научного дискурса, И.П. Глушкова констатирует: «Четко выраженные и ясно осознаваемые или подернутые пеленой и смутно угадываемые, вперемешку, по отдельности и/или в вариативных сочетаниях, в виде коллективных и/или индивидуальных, спонтанных и/или постановочных, вербальных, кинесических и/или перформативных манифестаций, характерных для разных языковых, социальных, культурных и политических контекстов, они выступают одновременно как объекты и единицы исследования» [17, с. 242].

В рамках данной статьи, не претендуя на исчерпывающий обзор всех имеющихся тенденций развития *emotional/affective studies*, мы остановимся на социологических теориях, фокусирующих внимание на социокультурных изменениях, происходящих в постиндустриальном обществе. Использование преимущественно социологического дискурса аргументируется тем, что «инструментализм социологии в системе культурологии направлен как метод, применяющий научные понятия, теории и гипотезы социологии в качестве инструментов ориентации и взаимодействия теорий, образов, эмпирических феноменов культуры с сообществами, группами и социальными субъектами» [18, с. 63].

Социология эмоций характеризуется специалистами как исследовательская область, методологические возможности которой позволяют расширить знание об обществе через изучение социально-структурных и культурных причин эмоциональных переживаний [19], выявить «доминирующие эмоциональные нормы, которые имеют характер императивов в повседневном опыте людей и служат продолжением социальных ценностей» [20, с. 25].

Наиболее релевантной концепцией в этом отношении представляется теория «общества переживаний» (Г. Шульце), задающая значимый исследовательский тренд в изучении эмоциональной составляющей современного общества. Суть данной концепции состоит в обосновании фундаментальных трансформаций, заключающихся в изменении логики социокультурного поведения и потребления. Обосновывается переход от общества массового потребления вещей (товаров и услуг) к обществу потребления переживаний, в котором потребительское поведение индивида переориентируется от внешнего импульса на его внутренний мир — переживания, впечатления, эмоции.

---

³ Что такое «иммерсивность» и как её изучать? Обзор встречи семинара по исследованиям медиа и образа // Факультет культурологи, публикация от 09.11.2021 — URL: <https://www.rsu-h.ru/education/culture/news/detail.php?ID=788775> (дата обращения: 27.11.2021).

«В то время как продукты по своим объективным качествам все меньше отличаются друг от друга, именно культура, переживания, рассказы, которые связаны с брендом, начинают играть все более важную роль» — утверждает Г. Шульце. При этом в публичной сфере возрастает потребность не только в индивидуальном, но и в коллективном переживании: «пространство “здесь и сейчас” создается коллективно и является центром переживания»⁴.

Авторы, работающие в области социологии эмоций, пишут о формировании особой эмоциональной культуры позднесовременного социума, в рамках которой эмоции предстают «как часть символической коммуникации, своего рода “культурные события”, которые разделяются и передают основные смыслы культуры». Российский исследователь О.А. Симонова интерпретирует эмоциональную культуру как «характерную для определенного типа общества конфигурацию представлений о чувствах и социальных нормах относительно их переживания и выражения в различных социальных контекстах или ситуациях, которая проявляется в образцах поведения, опыте, практиках, речевых выражениях, особых эмоциональных режимах или порядках» [20, с. 26–27; 21]. Особенностью современной эмоциональной культуры признается ее противоречивость: наряду с позитивными подлинными чувствами, проявляются «одновременно рациональные средства их выражения, переживания и достижения» [20, с. 37].

В контексте проводимого исследования среди превалирующих императивов позднесовременного общества особый интерес для нас представляет императив «ностальгии, или тоски по прошлому, будущему и настоящему, которое постоянно “меняется”, “ускользает”, возникает вследствие высокого темпа социальных изменений, общей неопределенности и рисков» [20, с. 25–45]. Учёные отмечают, что чувство ностальгии актуализирует исследования памяти, различные стратегии возрождения и потребления прошлого, развитие мемориальной деятельности [20, с. 36]. Эти научные направления особенно значимы для понимания специфики иммерсивных практик культурно-исторической реконструкции.

Корреляция между чувственно-эмоциональным опытом и иммерсией прослеживается в трудах ряда зарубежных авторов (Д.Д. Болтер, В. Вольф, О. Грау, Р. Грусин, Х.У. Гумбрехт, М.-Л. Райан, А. Крейг и У. Шерман), ставших важной теоретико-методологической основой для создания новой аналитической оптики и способствовавших определению перспектив исследования феномена иммерсивности. Предлагаемый ими понятийный аппарат и методологический инструментарий весьма разнообразен.

Наиболее имплицитно взаимосвязь эмоций и иммерсии представлена в работах О. Грау — немецкого искусствоведа и теоретика медиа. Изучая длительную историю визуальных феноменов на примере западного искусства, ученый проблематизирует иммерсию как «коронное явление визуального», оказывающее мультисенсорное воздействие на человека [22, с. 107]. В своих работах Грау следует конструктивистской логике, подчеркивая культурную и социальную обусловленность изучаемого феномена. По мысли автора, «речь не идет о естественной физиологии, скорее о комплексных культурных процессах, которые подчиняются разнообразным общественным и медиатехническим инновационным процессам, тем, что проходили специфическую чеканку в разных культурах и могут быть систематически расшифрованы в наследии визуальных медиа и литературы визуализации» [22, с. 103]. Уязвимость данных теоретических построений оппоненты Грау видят в его приверженности «механической, детерминированной концепции взаимосвязи между иммерсивностью и

---

⁴ Производят впечатления // журнал «Esquire», публикация от 22.06.2011 г. — URL: <https://esquire.ru/archive/2104-events/> (дата обращения: 23.10.2021).

иммерсией, где наличие определенных медиальных особенностей <...> автоматически “создают(ет) максимально интенсивные возможные ощущения погружения”»⁵.

В книге литературоведа Мари-Лор Райан «Повествование как виртуальная реальность» объектом для применения иммерсивного подхода является широкий диапазон текстов — от традиционных печатных до таких средств, как электронные игры, интерактивные фильмы и гипертекст. На основе разнообразных примеров опыт погружения рассматривается автором в пространственном, темпоральном, эмоциональном и виртуальном аспектах, изложению которых посвящены соответствующие разделы работы. Особую значимость для нашего исследования представляет теоретическая рефлексия темпоральной иммерсии, осуществляемая Райан сквозь призму категории «саспенс» (тревожная неопределённость/неизвестность). «Феноменологической основой темпоральной иммерсии в общем и саспенса в частности, — утверждает исследователь — является “пережитое” или “человеческое” переживание времени, в отличие от того, что можно назвать “объективным” или “часовым” временем», [23, с. 141] в котором время становится «почти осязаемым» [23, с. 146]. Теоретическая рамка, задаваемая Райан для исследования различных видов иммерсии, предполагает анализ иммерсивности как эффекта восприятия (субъектно-ориентированный подход) и как технологии, вызывающей этот эффект (объектно-ориентированный подход).

Полемика, развернувшаяся вокруг книги Райан, способствовала возникновению новых научных идей, представляющих ценность для исследования феномена иммерсии. Примечательна в этом отношении статья «Иммерсия в цифровой художественной литературе: когнитивный, эмпирический подход» («Immersion in Digital Fiction: A Cognitive, Empirical Approach»). Её авторы — представители нового направления в западном литературоведении — «когнитивного исследования литературы» (cognitive literary studies), проявляющего интерес к выявлению связей между литературой и общими принципами организации человеческого мышления. Признавая применимость теории иммерсии Райан «в качестве основы для классификации различных видов иммерсии в цифровые медиа», они диагностируют отсутствие в ее работе, как и в некоторых других исследованиях (например, Thon 2008), эмпирического обоснования теоретических построений, «всеобъемлющей структуры для анализа иммерсии как многомерного опыта в конкретном тексте». В свою очередь, авторы цитируемой публикации предлагают подход, определяемый ими как “эмпирический когнитивно-поэтический”, который предполагает сочетание «стилистического анализа текста с выводами из теорий познания и эмпирического исследования», позволяющего выявить воздействие структурных характеристик текста на читателя. Новая когнитивная модель адаптирована исследователями для анализа иммерсивных функций и, в частности, для «учета интерактивности и мультимодальности как внутри, так и за пределами цифрового текста». В результате проведенного теоретического и эмпирического анализа в статье, в отличие от современных теорий преимущественно предполагающих, что иммерсия — «это полностью поглощающий опыт», обосновывается тезис о его прерывистом характере, стимулируемым «множеством функций иммерсии, которые взаимодействуют». При этом обосновывается, что «пространственно-временная иммерсия должна произойти до того, как это смогут сделать любые другие формы иммерсии»⁶.

⁵ Цит по: Freitag, Céline Molter, Laura Katharina Mücke, Helena Rapp, Damien B. Schlarb, Elisabeth Sommerlad, Clemens Spahr and Dominic Zerhoch «Immersion: An Interdisciplinary Approach to Spaces of Immersion» // *Ambiances* [Online], Varia, Online since 11 December 2020, connection on 15 December 2020. — 23 p. — URL: <http://journals.openedition.org/ambiances/3233>.

⁶ Bell A., Ensslin A., van der Bom I. & Smith J.: Immersion in Digital Fiction: A Cognitive, Empirical Approach // Volume 7. № 1. January 2018. p. 19. — URL: https://www.researchgate.net/publication/322807921_Immersion_in_Digital_Fiction_A_Cognitive_Empirical_Approach.

Уильям Шерман и Ален Крейг в работе «Понимание виртуальной реальности» (“Understanding Virtual Reality”) предлагают использовать словосочетания “ментальная иммерсия” для описания «“состояния глубокой вовлеченности; приостановки неверия; вовлеченности” и “физической иммерсии” для “свойства системы виртуальной реальности, которая заменяет или усиливает стимулы для органов чувств участника” (Крейг, Шерман, 2018, стр. 10)»⁵.

В статье «Immersivity: An Interdisciplinary Approach to Spaces of Immersion» Флориан Фрейтаг и соавторы, продолжая исследовательские поиски, предпринимают попытку создать междисциплинарную качественную аналитическую и экспериментальную модель погружения. С этой целью ими осуществляется теоретико-методологическое обобщение концептуальных идей зарубежных учёных, раскрывающих сущностные характеристики феноменов *иммерсия* и *иммерсивность*. Проследивая истоки данного теоретического дискурса, авторы коллективной статьи анализируют широкий понятийный ряд, способствующий уточнению предметной области иммерсивных исследований, в которых термин «иммерсия» используется в качестве синонима «таких понятий как “включение” (Бентам, 1871), “присутствие” (Минский, 1980), “поток” (Csíkszentmihályi, 1990), “вовлечение” (Calleja, 2007; Neitzel, 2008), “инкорпорация” (Calleja, 2011), “абсорбция” (Wolf, 2012) или “эстетическая иллюзия” (Wolf, 2013)» [24, с. 16]. В результате предпринятой рефлексии ими обосновывается эпистемологическая перспективность смещения научного фокуса «с концептуально, терминологически и методологически расплывчатого понятия “иммерсия” на понятие “иммерсивность” и, таким образом, с обсуждения переживаний (опыта) на анализ производительных сил, обеспечивающих такие переживания (эстетических и других)» [24, с. 20]. Тем самым, как и в предыдущих исследованиях, проводится аналитическое различие между субъектно-ориентированным, сфокусированным на восприятии, феноменологическим подходом и объектно-ориентированным, ориентированным на производство, технологическим подходом. При этом ключевой категорией для адекватного анализа иммерсивности Ф. Фрейтаг и соавторы признают категорию «пространство». Анализируя различные кейс-стади (тематические парки, кино, иммерсивный театр, видеоигры, иммерсивные образовательные пространства), они утверждают, «что иммерсивность — это отдельный термин, обозначающий неотъемлемое качество объектов в целом и опосредованных, очерченных, реальных и виртуальных пространств в частности» [24, с. 20]. Эти пространства, согласно мнению авторов коллективного исследования, «представляют собой материально и социально сконструированные территории, которые отделены от повседневного мира порогом (пороговым уровнем) и регулируются ограниченным числом строгих и легко различимых правил, касающихся их сенсорности» [24, с. 5].

На онтологическом уровне осмысление феномена иммерсивности осуществляется в объектно-ориентированной философии (Г. Харман, Р. Брасье, Т. Мортон), постгуманизме (Р. Брайдогги, Д. Харауэй, К. Барад) и новом материализме (Д. Беннет). Общими положениями указанных теоретических подходов к изучению иммерсии, по мнению российского исследователя А.В. Венковой, является «акцент на средовом мультисенсорном опыте, его перформативном и аффективном характере, идея о неартикулируемости среды, отказ от парадигмы человеческой исключительности и новый специфический “иммерсивный стиль” взаимодействия с окружающим миром, понятым как активная среда, требующая тонкой “сонастройки” и аутопоэтической вписанности в мир всех действующих в нем агентов» [25].

Среди значительного корпуса работ российских авторов, посвященных иммерсивной проблематике, нас интересуют преимущественно исследования, раскрывающие эвристический потенциал иммерсивного подхода. Текущий анализ состояния данной проблемно-тематической области позволяет выявить различные его дисциплинарные модификации, преимущества и ограничения.

Наиболее активно феномен иммерсии изучается отечественными искусствоведами, которые отмечают в качестве преимуществ иммерсивного подхода достижение сильной эмоциональной и интеллектуальной вовлеченности потребителей в процесс театрального или иного представления, активную роль зрительской аудитории, которая проявляется в ее участии, интерактивности, сотворчестве [11, с. 263–265]. Утверждается, что подобные партиципаторные практики дают «более сильные ощущения по сравнению с традиционным форматом услуг, что вызывает и более значительные внутренние метаморфозы, глубокие культурные, ценностные и иные изменения» [13, с. 3–6]. При этом научное осмысление сущности и специфики происходящих метаморфоз и изменений крайне редко сопровождается теоретической разработкой данной проблематики. В большинстве работ искусствоведческого характера преобладают словарные трактовки феноменов *иммерсия* и *иммерсивность*, ограничивающиеся достаточно краткими и лаконичными определениями. Особую значимость в связи с этим приобретают научные труды, в которых прослеживается переход от описания иммерсивных практик к обобщениям теоретико-методологического характера. В частности, заслуживает внимания попытка А.А. Новиковой представить расширенную дефиницию термина «иммерсивность». В качестве общего понятия для культурных индустрий иммерсивность интерпретируется автором «как набор приемов технологического и эстетического воздействия на зрителя, погружающих (или создающих иллюзию погружения) его внутрь пространства художественного действия — театрального, музейного, экранного или мультиплатформенного (трансмедийного) — и подталкивающих к взаимодействию с объектами, участию в перформативных практиках, производстве текстов или иным формам активности, превращающих, <...> зрителя в пользователя» [12, с. 76]. Анализируя подобные мультимедийные проекты, исследователь видит ограниченность иммерсивного подхода в культурных индустриях в том, что «иммерсивность достаточно часто оказывается не продуманным художественным приемом, а удобным способом увеличения эмоциональной насыщенности и коммерческой привлекательности проекта». Возникающая при этом «аффективная зависимость», по мнению А.А. Новиковой, может являться «одной из причин ощутимо растущего напряжения в публичной сфере» [12, с. 77].

Для теоретико-методологического осмысления заявленной проблемы, на наш взгляд, продуктивными представляются научные подходы, сложившиеся в рамках культурологии. Одной из наиболее значимых методологических работ, раскрывающих культурологические перспективы исследования феномена иммерсии, является диссертация Т.И. Чуклиной, посвященная методике анализа эффекта погружения в музейных практиках. В рамках предлагаемой автором оригинальной методологической модели субмерсия («погружение») рассматривается как «метод создания экспозиции, в основе которого — эффект погружения в атмосферу эпохи, события, вживания в художественный образ; внедрение человека в конкретное время, картину жизни путем воссоздания объекта со всеми его взаимосвязями, включения воображения и ассоциативного мышления посетителя — действий, имеющих целью стимулировать эмпатию за счет создания цельного образа предлагаемой экспозиции»⁷. Т.И. Чуклиной определены базисные установки и принципы построения субмерсивной экспозиции, ее основные типы (реконструкция, транспозиция и стилизация), элементы и специфические средства. Артикулируется проблема использования аутентичных исторических объектов и достраивание их до максимально полной картины исторического явления.

В актуальных культурологических исследованиях иммерсивный подход рассматривается в качестве перспективной модели актуализации культурного наследия в контексте сложной дихотомии методов иммерсивного погружения, предполагающих

⁷ Чуклина Т.И. Метод погружения как актуальный метод создания музейной экспозиции: автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб, 2011.

перформативную вовлеченность зрителя, и методов создания интермедиального текста, ориентированных на интеллектуальный отбор и нарративную структуру экспозиции [26, с. 184]. При этом ставится проблема аутентичности музейных реконструкций, делается вывод, что в современных условиях «критерии аутентичности перемещаются с самих экспонатов на аутентичность зрительского опыта восприятия выставочного пространства и экспозиционного образа» [27].

Новые ракурсы обозначенного исследовательского пространства представлены в публикациях А.И. Венковой, в которых на методологическом, теоретическом и инструментальном уровнях впервые проводится комплексный анализ иммерсивности художественных практик в контексте мультисенсорного поворота в современной культуре [25; 28]. Исходя из культурологической перспективы, автор понимает под «иммерсией» «телесно-аффективное погружение в среду (окружение объекта или действующего лица, с которым происходит взаимодействие). Иммерсивность в искусстве — формирование опыта художественного восприятия, основанного на мультисенсорном вовлечении в воспринимаемые явления» [16]. Согласно мнению А.И. Венковой, наиболее значимыми проявлениями иммерсивности в современной художественной культуре являются: «смена когнитивной доминанты с рационалистической на телесно-ориентированную; изменение логики развития художественных процессов, где художественные практики в различных видах искусства демонстрируют стойкую тенденцию к нарастанию иммерсивности; современное состояние культуры в целом, эмоционально-эстетическая часть которой получила наименование метамодернизма, основанного на эмоциональном, телесном, тактильном и сенсорно-моторном опыте, в основе которых лежит иммерсия как форма погружения в мир» [16].

Признавая правомерность подобных выводов в аспекте мультисенсорного поворота, мы, однако, считаем, что указанные процессы не исчерпывают сути трансформаций, происходящих в современной культуре. Применительно к культурно-исторической реконструкции практики «погружения в прошлое» могут иметь и иную направленность, отражающую особенности исторического познания, его нацеленность на интеллектуальный отбор и рефлексию социально и культурно значимого исторического опыта.

Преимущества иммерсивного подхода в исследовании процессов познания, на наш взгляд, раскрываются в большей степени, когда мы говорим о его использовании в педагогических науках, в рамках которых происходит интеграция исследовательских и образовательных трендов. Современные педагогические концепции направлены на осмысление базовых понятий иммерсивного подхода, разработку методологии и теоретических моделей, адекватных современным тенденциям общественного развития и модернизации системы образования. В работах российских авторов фокусируется внимание на изучении иммерсивных технологий как эффективного средства повышения познавательной активности обучающихся. (А.И. Азевич, Ю.В. Гатен, Ю.В. Корнилов, С.Ф. Сергеев, О.А. Федоренко, В.А. Чупина). Важное методологическое значение для нашего исследования имеют разработанные в рамках педагогической науки понятие «иммерсивная образовательная среда», принципы проектирования, конструирования и использование иммерсивных технологий. Основные положения теории иммерсивных (погружающих) сред и соответствующая терминология были разработаны С.Ф. Сергеевым, рассматривающим понятие иммерсивной обучающей среды в качестве базового в постклассических представлениях педагогики. Иммерсивная обучающая среда автором понимается «как системный самоорганизующийся конструкт, проявляющийся в виде динамического процесса в субъекте обучения, вовлекающего в свою структуру самые разнообразные элементы внешнего и/или внутреннего окружения с целью обеспечения аутопознания организма, стабильности личности, непрерывности её истории» [29]. Важнейшими свойствами иммерсивной обучающей среды признаются: избыточность, наблюдаемость, доступность когнитивному опыту (конструируемость), насыщенность, пластичность,

внесубъектная пространственная локализация, автономность существования, синхронизируемость, векторность, целостность, мотивогенность, иммерсивность, присутствие, интерактивность [29].

Консолидируя изыскания представителей педагогической науки в терминологическом аспекте, Ю.В. Корнилов рассматривает иммерсивный подход в образовании как перспективную стратегию познания, «а также совокупность приёмов, способов интерактивного продуктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса с целью развития и саморазвития личности обучающегося в условиях искусственно созданного виртуального окружения, которое способно комплексно воздействовать на его сенсорные модальности» [30, с. 176]. Постулируя связь иммерсивного подхода с другими подходами в образовании (деятельностный, контекстный, информационный), принципами наглядности, комплексности, представители педагогической науки артикулируют его роль в расширении познавательных возможностей и формирование креативных способностей личности [31], развитии социальной эмпатии [32].

В целом проведённое исследование свидетельствует о том, что область применения иммерсивного подхода постоянно расширяется. Это подтверждает его актуальность, теоретическую и практическую значимость. Несомненно, проблемно-тематическая направленность иммерсивных исследований является как следствием, так и отражением изменений, происходящих в современной культуре, отличительной особенностью которой является выход иммерсивных технологий за пределы театров, музеев, образовательных учреждений и других культурных институций. Солидаризируясь с мнением специалистов, целесообразно признать, что «иммерсивные технологии в организации разнообразных культурных практик становятся не только их неотъемлемой частью, но и, совершенствуясь, способствуют развитию в разных сферах культурной жизни общества, появлению новых жанров в области культуры и искусства» [33]. В настоящее время методология иммерсивного подхода начинает использоваться для анализа социокультурных практик, направленных на преобразование городского публичного пространства, иницирующую переосмысление и наполнение культурным содержанием локальных территорий, формирование их новых символических значений [34]. Появляются серьёзные монографические исследования, в которых иммерсивные технологии рассматриваются в контексте формирования и развития новой перспективной формы сохранения и актуализации историко-культурных территорий и «памятных мест» — музейно-парковых комплексов⁸.

Развитие вышеобозначенного подхода в трудах зарубежных и отечественных исследователей продуцирует новые концептуальные сдвиги в исследовании иммерсии как феномена культуры. Констатируя широкую вариативность предлагаемых теоретических идей и интерпретаций понятий «иммерсия» и «иммерсивность» в различных дисциплинарных дискурсах, мы фокусируем внимание на их трактовках в искусствоведческих, культурологических и педагогических исследованиях. Характерный для них концептуальный плюрализм, с одной стороны, создаёт определённые методологические трудности в изучении поставленной проблемы, с другой — использование иммерсивного подхода в качестве исследовательской стратегии способствует более глубокому осмыслению различных аспектов современных культурных практик: аффективно-эмоционального, телесного, когнитивного, пространственного, темпорального и виртуального. Для достижения цели нашего исследования важно следовать принципу комплементарности, взаимодополнительности конструктивных

---

⁸ Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Т.П. Поляков, Т.А. Зотова, Ю.В. Пустовойт, О.Ю. Нельзина, А.А. Корнеева; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. — М.: Институт Наследия, 2021. — С. 43–47. — DOI 10.34685/NI.2020. 11.84.020.

идей иммерсивного подхода, сложившихся в контексте различных дисциплинарных дискурсов, за счет которого может быть достигнута комплексность в рассмотрении неакадемических практик культурно-исторической реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горин Д.Г. Трансформация исторического сознания смена парадигм обращения к прошлому в публичной сфере // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 23–36.
2. Верещагина И.М., Савинцева М.Е. Феномен исторической реконструкции в приобретении новых знаний о прошлом общества // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 59. С. 110–116. — URL: http://journals.tsu.ru/history/journal_page=archive&id=1847&article_id=41175 (дата обращения: 10.09.2021).
3. Никифорова А.А. Интерактивные формы сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в северо-западном регионе России) // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 37–46. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.3.33133 — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33133 (дата обращения: 08.11.2021).
4. Гордин В.Э., Алушкин Л.М. Историческая реконструкция как форма театрализации и материализации ностальгии // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 3(36). С. 140–153.
5. Кудашов В.Ф., Филоненко Е.Ю. Применение военно-исторической реконструкции в практике театрализованных представлений и праздников // NOVAINFO.RU. 2016. Т. 1. № 45. С. 264–271 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25957536> (дата обращения: 05.08.2021).
6. Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота // Урбанистика. 2020. № 3. С. 1–8. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.3.32423 — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32423 (дата обращения: 09.09.2021).
7. Курапина Е.Ю. Историческая реконструкция как социально-культурный феномен // Преподавание истории в школе. 2020. № 2. С. 21–24 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42354837> (дата обращения: 15.08.2021).
8. Мангер Т.Э., Васильева Ю.В. Военно-исторические реконструкции как содержательно-организационный компонент модели процесса формирования патриотических чувств у подростков // Психология образования в поликультурном пространстве. 2019. № 4(48). С. 90–97. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41502506> (дата обращения: 12.08.2021).
9. Милованова И.Г., Удилова И.Я. Военно-историческая реконструкция, как одна из инновационных форм военно-патриотического воспитания молодежи // Бюллетень науки и практики. 2016. № 12(13). С. 347–353. — URL: <http://www.bulletennauki.com/milovanova-udilova> (дата обращения: 19.09.2021).
10. Кошин И.И., Кошина О.В. Развитие исторической реконструкции как составляющей культурно-познавательного туризма // Огарёв-online. 2021. № 4(157). — URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/razvitie-istoricheskoy-rekonstrukcii-kak-sostavlyayushhej-kulturno-poznavatel'nogo-turizma> (дата обращения: 12.09.2021).

11. Медведенко В.В., Тумашова Г.А., Тумашов М.А. Иммерсивное театральное искусство как технология социокультурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4(83). С. 263–265. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43928836> (дата обращения: 06.09.2021).
12. Новикова А.А. «Культурные индустрии» как часть публичной сферы: трансформация форм соучастия // Художественная культура. 2020. № 1(32). С. 65–86. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42727146> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Панасенко С.В., Никишкин В.В., Твердохлебова М.Д. Иммерсивный подход в театральном и музейном маркетинге // Практический маркетинг. 2017. № 10(248). С. 3–6. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30115331> (дата обращения: 24.08.2021).
14. Миронова Д.А., Никитина Н.В. Эскапизм как одна из функций исторического знания: проявления в современной отечественной историографии и культуре // Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2017. № 2. С. 109–114. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32642615> (дата обращения: 02.09.2021).
15. Чеканцева З.А. Вместо предисловия. История на пороге третьего тысячелетия: между эпистемологией и социальным заказом // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. — М.: Аквилон, 2019. — 416 с.
16. Венкова А.В. Феномен иммерсивности. Мультисенсорный поворот в культуре: монография // — СПб.: Астерион, 2021. — 336 с.
17. Глушкова И.П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть I. Путаница и неразбериха: «эмоции», «чувства», «аффект» // Вестник института востоковедения РАН. 2019. № 1(7). С. 241–255. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41172381> (дата обращения: 02.08.2021).
18. Ярская В.Н., Божок Н.С. Методология социологической инструментальности в современной культурологии (постановка проблемы) // Вестник Поволжского института управления. 2021. Том 21. № 3. С. 62–69.
19. Сергеева О.В. Социологи об эмоциях: введение к тематическому разделу номера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 3–11. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29237963> (дата обращения: 12.08.2021).
20. Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084.
21. Simonova O. Emotional Culture as Sociological Concept: On Emotional turn in Understanding of Modern Society // Culture e Studi del Sociale. 2019. Vol. 4. No. 2. pp. 147–160. — URL: <http://elea.unisa.it/handle/10556/4043> (дата обращения: 19.08.2021).
22. Грау О. Фантазмагорическое визуальное колдовство XVIII столетия и его жизнь в медиа искусстве. Перевод с немецкого: М.А. Степанов // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1(6). С. 101–110.

23. Ryan M.-L. Narrative as Virtual Reality Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media // Baltimore and London: Johns Hopkins University Press xiii + 399 pp. ISBN 0-8018-6487-9.
24. Freitag, Céline Molter, Laura Katharina Mücke, Helena Rapp, Damien B. Schlarb, Elisabeth Sommerlad, Clemens Spahr and Dominic Zerhoch, «Immersivity: An Interdisciplinary Approach to Spaces of Immersion» // Ambiances [Online], Varia, Online since 11 December 2020, connection on 15 December 2020. — 23 p. — URL: <http://journals.openedition.org/ambiances/3233> (дата обращения: 05.07.2021).
25. Венкова А.В. Теоретическое исследование феномена иммерсивности в объектно-ориентированной онтологии и постгуманизме // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 5–13.
26. Балаш А.Н. Иммерсивные и интермедиальные практики презентации культурных артефактов: современный музейный опыт // V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие — от прошлого к будущему»: программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. — Санкт-Петербург; Москва: Институт Наследия, 2021. — 232 с. — DOI 10.34685/NI.2020.25.32.004.
27. Балаш А.Н. Аутентичность музейных реконструкций художественных артефактов и проектов // Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей международной научной конференции. Ответственный редактор Сундиева А.А. Издательство: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 203–211.
28. Венкова А.В. Феномен иммерсивности в эстетике атмосфер и теории «оптического бессознательного» // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 3(44). С. 103–113. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_3_103.
29. Сергеев С.Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды // — М.: Народное образование, 2008. — 434 с.
30. Корнилов Ю.В. Иммерсивный подход в образовании // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 1(26). С. 174–178. — URL: <https://anipp.ru/wp-content/uploads/2021/02/ANI-PiP-2019-126-1.pdf> (дата обращения: 18.07.2021).
31. Матвеевская Н.С. Формирование креативных способностей школьников в процессе театрально-исторического погружения // Мир науки, культуры, образования. 2012. 1(32). С. 88–90. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17697810> (дата обращения: 12.06.2021).
32. Бакин М.В. Иммерсивные технологии в развитии социальной эмпатии и образования // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10(100). Часть 2. С. 16–19. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.100.10.037>.
33. Гринина Е.Н. Роль новых интерактивных практик в формировании эстетики современного театрального и музейного пространства // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5–2(95). С. 197–202. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42910053> (дата обращения: 15.08.2021).
34. Меркульева А.В. Иммерсивные методики в современных социокультурных практиках // Вестник СПбГУКИ. 2020. № 2(43). С. 58–62. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43139772> (дата обращения: 21.08.2021).

Bozhok Nikolay Sergeevich

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

E-mail: nikolaybozhok@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-1669>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=785713

Cultural and historical reenactment in the optics of an immersive approach: theoretical and empirical explications (Part 1)

Abstract. The article, consisting of two plots, attempts for the first time to carry out theoretical and empirical explications of the immersive approach and to create a new research optics for a deeper study of the specifics of commemorative practices of cultural and historical reenactment as a non-academic form of interaction with the past. The first part of the study contains a statement of the question and an overview of the main theoretical and methodological approaches to the study of immersion as a phenomenon of modern culture. The genesis, methodology and specifics of disciplinary modifications of the immersive approach, the content characteristics of its basic categories are revealed. The prevailing attention is paid to conceptual ideas that have been developed in art history, cultural studies and pedagogical research. Revealing the heuristic potential of the immersive approach, the author asks questions: can the categories "immersion" and "immersiveness" serve as an adequate tool for describing and analyzing reenactment practices of immersion in the past. In the second part of the article, based on the analysis of reenactment studies, it is shown how these concepts work in the discourse of cultural and historical reenactment. Summarizing and analyzing significant empirical material, the author reveals the specifics of the immersion of reenactors in the recreated cultural and historical reality. It is proved that the typologically immersive experience of reenactors is an extremely multifaceted phenomenon. The degree of immersion is determined by motivation, cognitive activity and the level of memorial culture of the reenactor. Based on the typology of experience proposed by Pine and Gilmore, four types of immersion in immersive practices of cultural and historical reenactment are considered — entertainment (play), escapism, aesthetics, and education. As a result of the research, the author comes to the conclusions: the concept of immersion in cultural and historical reenactment is broader than in cultural industries, pedagogy and museology. It can include not only bodily-affective immersion in the past, but also the construction of immersive practices that correspond to the tasks of historical cognition, observation, research, evoking a sense of empathy. In a situation of deep immersion in the past, this experience becomes more complicated, moves to a new level of interaction with cultural and historical artifacts — the level of historical experiment.

Keywords: cultural and historical reenactment; immersive approach; immersion; immersiveness; immersion into the past; immersion types; commemorative immersion